

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

№ **5**

**АПРЕЛЬ
1936**

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВЛКСМ

ОДНОТОМНИК ЧЕХОВА

А. Дерман

Чехов издается для детей чаще, чем любой из наших классиков, исключая разве Пушкина, и это вполне естественно. Не говоря уже о том, что у него есть вещи, специально написанные для детского возраста (например «Каштанка»), что целый ряд его произведений посвящен изображению детей, — характер его творчества в целом заставляет обращаться к нему чаще, чем к другим классикам: самые сложные положения он умел, как никто, изображать просто; самые глубокие мысли излагать ясно, сжато, прозрачно; наконец язык его произведений предельно точен и прост. Все это делает Чехова

ЧЕХОВ А. П. Избранные произведения. Редакция, библиографический очерк и комментарий А. И. Роскина. М. Детгиздат. 1935. 464 стр. 10 р. 75 000 экз.

наиболее «понятным» из наших классиков, в частности наиболее доступным для детского возраста.

Однако же это, с другой стороны, нередко порождает соблазн слишком упрощенно относиться к подаче Чехова детскому читателю, и таких упрощенных чеховских сборников, составленных без всякого плана, было у нас немало. И поскольку случаен был их состав, дети получали представление о Чехове также случайное и неполное.

Совершенно иной тип книги — рецензируемый сборник. В основе его лежит строго и последовательно продуманный план, главная задача которого столь же ясна, как и плодотворна: дать детскому читателю Чехова во всех проявлениях его богатой индивидуальности. Здесь и Чехов ранней, незрелой поры, и Чехов в полном расцвете сил, автор юмористического очерка, короткой новеллы, пародии, сатирического рассказа и большой повести, здесь и Чехов-драматург. Чехов был большой мастер непритязательной шутки, — не забыта и эта сторона. Чеховские письма давно уже стали предметом увлекательного чтения, редактор дает детям представление и о них, — несколько скупое,

ж сожалению. Удачный подбор записей из памятных книжек Чехова показывает читателю процесс накопления писателем наблюдений для своих произведений. Даже наиболее ценное из того, что имеется в обширной литературе о Чехове,—критические отзывы, мемуары, приложение созданных писателем образов и типов к характеристике тех или иных явлений политической и общественной жизни (например, в речах и статьях Ленина и Сталина) — также умело использовано редактором: то в примечаниях, сопровождающих рассказы и очерки, то в виде вкрапленности в прекрасный биографический очерк, написанный живо и увлекательно. Единственное серьезное упущение, на которое хочется указать редактору, это, пожалуй, чеховский водевиль: ни одна из коротких пьес Чехова в сборник не включена, и об этом приходится пожалеть не только потому, что жанр этот у писателя блестящ, но еще и потому, что для Чехова он органичен,—недаром уже незадолго до смерти Чехов

мечтал написать водевиль, а отчасти и выполнил свое намерение, переделав в пьесу один из мелких своих рассказов. Уместно было бы также ввести в эту книгу написанный Чеховым некролог о знаменитом путешественнике Пржевальском и какой-нибудь подходящей отрывок из чеховской публицистики.

Редакторское оформление материала столь же удачно, как подбор последнего. О биографическом очерке и примечаниях мы уже говорили. Необходимо добавить, что и подбор иллюстраций для книги сделан превосходно. Здесь не только богатая иконография писателя, но и обдуманно проведенная иллюстративная его биография, помогающая читателю яснее и живее представить себе быт, из которого вырос Чехов, круг его интересов, прессу, в которой он работал, типы, которые он воспроизводил, и т. д. и т. д.

В ответственном деле издания для детей наших классиков книга избранных произведений Чехова является прекрасным почином, которым мы обязаны

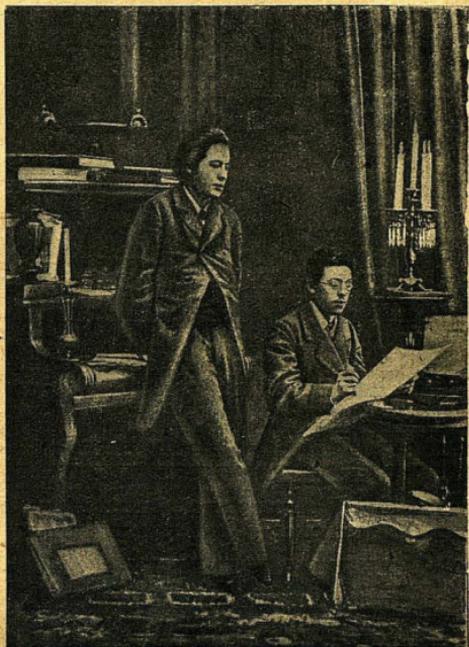
А. П. Чехов в Мелихове по возвращении из московской клиники (1897 г.).

редактору А. И. Роскину и ответственному редактору Г. Л. Эйхлеру.

Было бы странно, если бы этот почин оказался совершенно свободен от промахов. На один из них выше было указано. Отметим еще некоторые. Непонятно, почему заметка Чехова «На луне», в свое время напечатанная в «Осколках», как это и указывается в примечании, помещена отдельно от других произведений, в разделе «Из архива». Напрасно не привел редактор гимназического сочинения Чехова «Киргизы», самого раннего из его произведений. Для ребят это, несомненно, представляло бы интерес. Безусловной ошибкой является воспроизведение старого рисунка Конашевича к «Человеку в футляре». Футлярный педагог изображен здесь в согласии с текстом, но его спутница Варенька, которую Чехов описывает как жизнерадостную хохотунью и певунью, словно нарочно, представлена у Конашевича в виде дохлой рыбы.

Весьма спорными являются некоторые примечания редактора, точнее — отдельные места из них. Никак нельзя, например, согласиться, что «Письмо к ученому соседу» — пародия «на язык ученых рассуждений». Юный читатель (не имея, вдобавок, перед собою самого очерка Чехова) в праве заключить, что Чехов действительно пародировал ученые рассуждения, между тем как у Чехова речь идет о досужей болтовне невежественного помещика, отставного урядника. Явно произвольно приписана редактором в примечании к рассказу «Счастье» «ненависть к панам и казне, к помещикам и властям» старику-чабану: в рассказе этого нет.

В книге, предназначенной для детей, особенно желательно избегать неточностей при объяснении трудных слов. Например, слово «дрягиль» (дрогаль) имеет два значения: либо это кричание, либо ломовой; в тексте же пояснено: таганрогский извозчик. «Педелями» назывались у нас надзиратели за студентами, а не за гимназистами, как указывает редактор. Едва ли правильно сказать о брюках «тонкие, как макароны» (вместо «узкие»). Бурса — это не «общежитие учащихся православного духовного

А. П. Чехов и Н. П. Чехов (1883 г.).

учебного заведения», а само это учебное заведение (впоследствии — духовная семинария). Корд — это не «веревка, которой гоняют лошадь по кругу», а та веревка, к которой привязана бегущая по кругу лошадь (отсюда — «гонять на корде»). Неточно названа кругосветным путешествием поездка Чехова на Сахалин с возвращением через Индийский океан. По поводу посещения публицистом Меньшиковым Чехова в Мелихове сказано: «Был он всем в тягость, и по его отъезде в Мелихове вздохнули с облегчением». Едва ли это было так: в ту пору и даже позднее Чехов относился к Меньшикову отнюдь не плохо, о чем свидетельствует характер его писем.

Мы останавливаемся на этих мелких недочетах только потому, что крупные отсутствуют, и потому еще, что хочется эту прекрасную книгу в повторном издании видеть совершенно безупречной.